

Горячее лето 2001-го

. Мы, рыбники, все немножко придурки. Когда люди в разгар лета радуются солнышку и погожим дням, мы ворчим: «Скорей бы дождь пошел, а то рыба сдохнет».

За окном, хотел сказать «бушует» долгожданный тайфун «Пабук», но нет, – не бушует, просто льет мелкий теплый ливень мощностью полторы месячных нормы в сутки. К тихой радости примешивается тревога, – а ну как зальет? У нас хорошо помнят тайфун «Филлис» 81-го года. Тогда такой же августовский ливень полоскал несколько дней подряд, а потом весь Сахалин плавал. Но, кажется, обошлось. К обеду следующего дня утихло. Совсем уже иссохшие речки набухли и потемнели, все невода, ловушки и загородки наверняка сняли.

Кончилась большая ПУТИНА. Целый месяц она не давала мне приблизиться к компьютеру, написать хотя бы строчку не в эту тему. Все только акты, рапорты и докладные. Почти ежедневно – маршрут по водоему, и не всегда это было в охотку. Зато в этот месяц я чувствовал свою необходимость, свою востребованность.

Я – районный ихтиолог. По моим рекомендациям проводится регулирование промысла и захода лососей в реки. Мои основные инструменты – голова и ноги. Да разве еще замечательный японский прибор – термооксиметр. Прибором я могу измерить насыщение воды кислородом и примерно прикинуть, сколько рыбы зашло в реку. Ноги помогают мне добраться до самых укромных мест на реке, другого способа просто нет. Ну, за голову я не берусь судить, – бывают и ошибки, конечно.

В этом году мои ошибки были принципиальны. Самое главное, я рискнул регулировать реки не по прогнозу, а по обстановке. То есть не закрыл реки пораньше, пока они еще пустоваты, а дождался почти полного их заполнения. В двух случаях удержать реки не удалось, – случилось переполнение и замор. И второе: я не учитывал, что нерестилища таким летом очень сильно обсохли, и площадь их соответственно заметно уменьшилась. Зато теперь, когда прошел сильный дождь, я спокоен – и тухляк смоем и нерестилища заполнены до самых верховьев.

Мою эту работу почему-то осуждают обыватели. Мол, не пускаем рыбу в реку, вмешиваемся в природные процессы. Вот и хочу на примере такой ПУТИНЫ показать, что нет пока у нас другого способа разумно распределить рыбные потоки. Тем более, что сахалинская горбуша – все в большей доле продукция искусственного разведения.

Камчадалы должны помнить 1983 год. Тогда реки полуострова переполнились до такой степени, что повсеместно произошел страшный замор. Ни о каком регулировании тогда не велось и речи, – не позволяли инструкции. С тех пор по нечетным годам горбуша в камчатские реки не идет, никак не может восстановиться! Зато в четные разрешают все – даже свободный лов населению. Тогда леса и овраги превращаются в рыбы кладбища. Но зато нерестилища не погибают.

У нас свободный лов был объявлен лишь однажды. И не повторится никогда. За прошедшее десятилетие очень развилась рыбопереработка. Да и соседи всегда готовы помочь – подгонят плавбазы прямо к местам промысла. А чтобы излишки рыбы не переполнили реки, их лучше изъять из устья реки. У нас в этом году есть реки, где взяли по тысяче тонн, а нужно для нереста 200-300, не больше.

Представьте, если такая масса рыбы пойдет в почти пересохшую реку. Мне приходилось ходить по колено в завалах мертвой рыбы и по сплошному ковру из опарышей. Это было раньше, когда реки не регулировались.

Уже двадцать путин за моими плечами. И каждая прошла по-особому, каждая чему-нибудь научила. Уроки этой ПУТИНЫ скорее тревожные.

И у нас теперь появились «золотые» тропы и настоящие браконьерские базы. Такого размаха «вырезания» рек раньше не было. Пока попадают местные жители – безработные и всякого рода маргиналы. Тщетно взывать к их сознанию, и в общем-то их ничего не остановит. Пока есть экономические предпосылки для браконьерства. Икру-сырец легко примут в любом рыбцехе по 80-100 рублей за килограмм.

Поэтому вдоль берегов лежат кучи выпоротой рыбы, в такие реки надо запускать горбушу с большим запасом. Ходить по таким рекам неприятно и жутковато.

Другое дело – в заказнике. В этом году я не видел там ни одной поротой рыбины (тьфу-тьфу, не хочу сглазить!). Хотя в верховьях рек есть зимовья, мы в этом году нашли еще одно на Ульяновке. Думаю, что в верховьях тоже заготавливают икру, особенно на Урюме, но все же не в таких масштабах, как на более доступных реках.

Заказник «Полуостров Крильон» – это полсотни километров вдоль моря, пять крупных рек и пять помельче. На реках стоят рыбодобывающие бригады и почти непрерывно вычерпывают рыбу. Каждая река – это живой и тонкий организм, имеет свой собственный характер. Моя цель – чтобы каждая бригада знала и любила свою реку, относилась к ней как к многолетней кормилице. Тогда и реки будем заполнять оптимально, и браконьерства не допустим, и нерестилища будем улучшать, расчищать от завалов.

В общем-то, кое-что уже получается. Большинство рек регулируют сами рыбаки, – пропускают рыбу понемножку, стараясь заполнять нерестилища равномерно и постепенно. Дело в том, что выживаемость потомства будет лучше, если отнерестятся производители из разных периодов хода.

По-своему уникальный опыт получен на Ульяновке. Здесь мы поздновато перекрыли реку, и случился замор. Заморы происходят от того, что рыба потребляет кислород. Чем больше рыбы, тем больше кислорода потребляется. Когда наступает критический момент, часть рыбы погибает от удушья. Иногда образуются «пробки» из погибшей рыбы, которые не пропускают живую рыбу вверх по течению. И замор распространяется вниз, вплоть до устья реки.

Вот такой замор произошел где-то на седьмом километре от устья Ульяновки и вниз по течению. У этой реки такая особенность – застойные участки в нижнем течении, большое количество древесных завалов. В этих завалах и образовались «пробки» гниющей горбуши. Так вот, мы попробовали ликвидировать зародыш замора и сдвинуть его границу вниз по течению. Разобрали несколько завалов, вилами повыкидывали из воды мертвую рыбу, очистили километра три русла. Теперь, я уверен, по всей реке нерест проходит нормально.

А вот на реке Найче, у которой совсем другой характер, границу замора я так и не нашел. Видимо, до самых верховьев лежит погибшая рыба, и вся надежда на то, что паводок смочит отраву, и оставшаяся рыба все же отнерестится.

Ходить по рекам заказника приятно, – почти нет человеческих следов. Разве что по руслу реки Кура километров шесть следы проезда джипов и ГАЗ-66.

Медведи встречаются довольно редко, - у меня в этом году пока всего 19 визуальных контактов. Когда рыбы меньше, они концентрируются у скоплений рыбы и встречи случаются чаще. Хожу с видеокамерой наготове, и это лишает последних остатков страха перед зверем.

Раньше нарушал технику безопасности, - ходил все больше один. Разработал даже что-то вроде «философии одиночного похода». Теперь у меня два молодых напарника. Стал лениться и ошибаться на перевалах. Перевалы – это особая тема. Дело в том, что полевая практика выработала у меня привычку не возвращаться своим следом. Если иду вверх по речке, стараюсь перевалить на соседнюю и спуститься по другой реке. Но наверху очень сложно найти верное направление, бывает, после долгих мучений выхожу на ту же реку. Оправдываюсь тем, что жалею напарников, стараюсь выбрать дорогу полегче, и поэтому ошибаюсь.

Несмотря на то, что рыба в этом году «давит» в основном на Крильоне, нельзя оставлять без внимания и Лютогу с Таранаем. Обе этих реки рыболовные, но их тоже надо регулировать. Впрочем, здесь вполне справляются морские невода. Более того, центральные неводы выдвинуты в море на два километра и более. Поэтому заполнение Лютоги до сих пор не превышает 70% от нормы.

Есть и еще одна причина слабых заходов в Лютогу. С каждым годом все больше мелеет и заливается устьевая зона. В районе моста русло уже сузилось вдвое. Все растут илистые острова. Горбуша способна заходить в реку только по большой воде. Углубление и расчистка фарватера – работа, непосильная для рыбаков. Они предлагают включить это в федеральную программу помощи рыбному хозяйству.

...Похоже, рановато я решил, что ПУТИНА оканчивается. Поступили сообщения, что появилась какая-то совершенно другая горбуша. Вполне возможно, что это осеннее охотоморское стадо. Тогда горячее лето 2001-го еще продолжится.

PS. Сейчас, в начале сентября, уже ясно, что реки в заливе Анива заполнены на 100%, последствия заморных явлений ликвидированы паводком, нерест проходит в благоприятных условиях, а ПУТИНА принесла рекордные результаты. Есть надежда, что в 2003 году будет повторение.

Сергей Макеев, Анива, ихтиолог

2001